

Николай Семенович Лесков

**Несколько слов о
духоборских и других сектах**

**Лесков Николай Семенович
Несколько слов о
духоборских и других сектах**

Николай Семенович Лесков

Несколько слов... о духоборских и других сектах

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ ЗАПИСКИ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО МИТРОПОЛИТА
АРСЕНИЯ О ДУХОБОРСКИХ И ДРУГИХ СЕКТАХ

I) Высокопреосвященный Арсений, в начале составленной им записки о сектантах, говорит, что "тамбовская епархия, подобно другим епархиям, довольно обильна сектантами, если измерять обилие их не столько числом, сколько степенью загрубелости и ожесточения их" (Труды Киевской Духовной Академии. - 1875. - Февр. - С. 149). Мне кажется, что "измерять обилие" не числом, а "степенью" крайне неудобно. Приняв такой метод измерения, весьма легко прийти к заключениям произвольным и неправильным. Например, можно сказать: "Васильков от Киева очень далек, если измерять расстояние не количеством верст, а степенью запущенности гадкой дороги". На самом деле между этими городами все-таки будет только 38 верст, а не более.

II) На этой же странице читаем: "Причины и побуждения, заставившие сектантов укло-

няться от господствующей веры и общественного порядка, у всех одинаковы: это честолюбие, своекорыстие, плотоугодие и самоуправство в начальниках, а невежество и бессознательная раздражительность, завлеченная и отуманенная порывом, имеющим вид добродетели, - в толпе им слепо верят". Причины уклонения не у всех сектантов одинаковы: раскольник буквенного характера и сектант пиетистического духа уклоняются от господствующей церкви по совершенно различным причинам и побуждениям. Блудя краткость в моих заметках на записку митрополита Арсения, я не могу разъяснить здесь всех этих различий, но они хорошо известны всем, более или менее знакомым с характером русского сектантства. "Слепая вера" толпы, по-моему, здесь вспомнута тоже совсем не у места: кто слепо верит, тот не уклоняется, ибо, не умствуя, держится того, во что "слепо верит". Чтобы изменить веру, надо прежде окритиковать ее так или иначе и пожелать искать лучшую, чему мы и видим доказательство, например, в современных южнорусских штундистах. Люди эти начали с того, что стали

критически сравнивать свою православную нравственность с нравственностью людей, живущих "в колонках", и соблазнились, что "там честнее". По религиозности своей они стали критически сравнивать веру и впали в новое заблуждение, найдя, что "в колонках вера лучше, ибо учительнее". Теперь же мы видим в этих критиканах людей, осуждающих своих предков за то, что они "дрались за веру", тогда как по штундистскому верованию "вера силою не защищается и не поддерживается". Тут можно видеть, что угодно, но только не слепоту. III) На стр. 150 сказано: "старообрядцы ведь и всегда сами на себя похожи", - замечание глубоко верное: за Кавказом, в Турции, в Австрии они "езде сами на себя похожи", и очень жаль, что этого же самого нельзя сказать о наших церковных людях, которые очень охотно делаются "на себя не похожи" - католичатся, немчатся и даже считают иногда безверие признаком просвещенности. IV) На сей же странице достопочтенный автор записки говорит, будто бы правительство "в законных (!) постановлениях" о молокано-духоборческой ереси "подво-

дит ее под одну категорию с обыкновенными сектами раскольническими". Это совсем не так: в нашем законодательстве ересь молоканно-духоборческая поставляется во многие особые условия, от которых свободны другие раскольники. Не перечисляя всех этих особенностей, укажу лишь на то, что еретиков духоборческого толка высылали с мест их жительства целыми селениями, и кроме того они подвергнуты другим ограничениям; так, по IV тому свода законов: "молоканы, духоборцы, иконоборцы, иудействующие и скопцы" лишались права ставить наемных рекрут иначе, как из своей среды. Из этого, кажется, ясно видно, что положение этих еретиков отнюдь не заурядное со всеми раскольниками. V) На стр. 152 господин митрополит говорит; "молоканно-духоборческая секта имеет две стороны: одну - религиозную, а другую - политическую. Первую она небоязненно высказывает ибо знает, что за веру не преследуют (?!), хотя о некоторых более важных предметах религии, о некоторых местах в книгах Св. писания объясняется двусмысленно загадками и иносказаниями, а вторую (т.е. политическую) тща-

тельно скрывают". Во-первых, как я выше сказал, едва ли справедливо утверждать, что еретиков молоканско-духоборческой секты за веру совсем не преследуют; во-вторых, "иносказательные" толкования книг Св. писания сими еретиками, в значительной мере, берутся из книги "Ключ Разумения", о которой упоминал, между прочим, в своем изъятном из обращения сочинении бывший студент киевской духовной академии, Орест Новицкий (1*). Книга "Ключ Разумения" написана писателем православным и даже известным борцом за православие, и нужно удивляться, что на книгу эту, служащую пособием к своеобразному толкованию Св. писания у русских сектантов духоборческого толка, до сих пор не обращено должного внимания нашею духовною критикою; скажу более: при многих моих столкновениях с представителями нашего клира я убедился, что большинство духовных лиц даже вовсе не знают, что в сей книге заключается. Удивительное небрежение этого всего более непонятно там, где вокруг ходит учение духоборцев, нередко проповедующих с прямыми ссылками на книгу "Ключ Разуме-

ния" (2*)- И наконец, третье: у сектантов духоборческой ереси, может быть, и есть свои политические взгляды, но я ни от одного из них никогда не слышал, чтобы они небрегли благосостоянием и целостию государства или зломыслили о его верховном правителе.

(1* "О духоборцах", сочинение Ореста Новицкого (Киев. 1832. В типографии академической, при Киевско-Печерской лавре. С.17). *)
(2* "Ключ разумения", священникам законным и свецким, от недостойного монаха Ионакия Голятовского, ректора и игумена монастыря Брацкого 1669 года свету поданный. Типогр. св. вел. Лавры Печерско-Киевской". По сопииковскому описанию (часть 1, No 578) "книга редкая". В настоящее время книгу "Ключ Разумения" можно встретить только разве в некоторых избранных библиотеках да у духоборцев, которые по ней делают многие возражения православным священникам, а те не знают, откуда это берется, и все только клепят на немцев, чем сугубо смешат сектантов. Впрочем, что касается книги "Ключ Разумения", то я изготавлю ее подробное обозрение, которое и не замедлю напечатать.

(Прим. автора.) *)

VI) На 160 стр. его высокопреосвященство пишет, что "причина появления и распространения сект заключается по крайней мере не в одних священниках"; но если снести эти слова с 1-ю строкою стр. 155, то выходит нечто странное, ибо там читаем: "кто же был причиною отпадения? уж, конечно, не священники, по крайней мере не тамбовские". Посредством этой сноски, смысл приведенного положения двоятся, и из всего духовенства выделяется только как бы одно тамбовское, что совсем неблагоприятно для репутации всего остального православного духовенства.

VII) На 161 стр. сказано: что "священники в отношении к своему содержанию должны быть поставлены чрез производство им постоянного и достаточного жалованья от казны, и по смерти их семействам заслуженного ими пенсионна, в состояние независимое от воли прихожан". Я часто слышу эти толки о поставлении священников в положение независимое от прихожан и знаю, что это мнение разделяют очень многие, но тем не менее я всегда слушаю его с большим прискорбием.

Может быть, я неправ, но, мне кажется, что я должен здесь высказать об этом вопросе свое мнение: пусть более меня знающие опровергнут меня и вразумят. По-моему, и пастырь, и пасомые должны составлять единость: паства связана с пастырем нуждами духовными, а пастырь с паствою - материальными. Нужно изменить только способ взимания с прихода за обязательные требоисправления. На правительстве лежит обязанность: а) воспитать детей мужского и женского пола и б) призирать вдов, сирот и престарелых служителей церкви. Все внимание должно быть обращено на эти статьи, а не на жалованье, без коего духовенство может обойтись, стоя на всей высоте своего призвания. Ежели бы указанные мною статьи были вполне обеспечены, священник и его семейство не чувствовали бы себя совсем брошенными, а в то же время священник не манкировал бы своими прихожанами, как может манкировать состоящий на жалованье правительства чиновник духовного ведомства. Завися от своего прихода, священник искал бы расположения прихожан и заботился бы об их доброй нравственности и

теплоте к церкви и был бы "деятель достоин мзды своея" (1 Тимоф., 5, 18). Повторяю: может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что в этих хлопотах о жалованье есть большая ошибка, которая со временем когда-нибудь скажется нехорошими последствиями. VIII) На 162 стр. митрополит киевский рекомендует в назначении "оклада на содержание духовных принять мерою оклады служащих в каком-либо министерстве и определенную законом ответственность чинов светских чином духовным". Что касается выравнивания духовных людей по ранговым линиям с чиновниками, то этого всего более надо избегать: это не идет духовенству и, как справедливо думал митрополит Платон, - это портит духовенство. А "оклады служащих в каком-либо министерстве" отнюдь не зависят от их чинов, а даются по должности, - так что чины гражданские в отношении жалованья мерило самое неустойчивое. Этим высокопреосвященный Арсений закончил свои указания на необходимые, по его мнению, реформы в устройстве духовенства и затем переходит к предложению "деятельнейших мер собственно против

сект" (стр. 162), что составляет любопытнейшую и самую замечательную часть его записки. Вот эти меры: 1. "Обратная передача сект и сектантов под непосредственное заведывание духовного начальства, так, чтобы как наблюдение за ними, так и дознание и исследование производимы были лицами духовными, для большего, впрочем, беспристрастия при депутате с гражданской стороны. Что же касается до обращения сектантов в православие, то от одной мысли, что они снова передаются в ведение духовного начальства, дело сие быстро подвинется: надзор духовный несравненно будет для них чувствительнее полицейского" (162 и 163). Выписав этот пункт, я чувствую такую нравственную тяжесть, что хотел бы лучше ничего о нём не сказать, но долг совести и любовь к вере отцов моих понуждает меня вымолвить, что я страшусь: не заслужат ли наши архиереи и священники всеобщее презрение обращаемых, если они станут стараться о том, чтобы их духовный надзор был "чувствительнее полицейского". Но этого мало: митрополит Арсений, устанавливая сильнейший надзор, не

упраздняет и слабейший: на стр. 164 его высокопреосвященство говорит: "само собою разумеется, что надзор духовный не исключает и полицейского"... Кое ли общение им приличествует?.. Вторая мера: "соединение сектантов всякого рода на жительство в одном каком-либо месте, хотя бы даже внутри России, но с тем, чтобы они далее определенной черты ни под каким предлогом не могли отлучаться; с православными, кроме местных чиновников и духовных, не имели никакого сообщения; торговле довольствовались бы только внутреннею - внешнюю же производили бы через агентов правительства. Мера сия хороша тем, что, не представляя собою ничего жестокого, ни притеснительного, ведет прямо к цели, а благодать Божия ниспослет свою всесильную помощь и довершит остальное". "Если же сие предположение по каким-либо причинам не получит одобрения, то для успеха обращения сектантов полезно: а) временное, впрочем бессрочное, удаление в монастыри ересеначальников и расколовых жатаев и б) воспрещение сектантам нанимать в рекруты православных" (что, - снова

замечу, - не допускалось по IV т. св. зак., а ныне, со введением новых положений о воинской повинности, совсем не имеет смысла). Заботясь о предупреждении новых отпадений, высокопреосвященный Арсений предлагает следующее (стр. 165 и 166): "а. Лишить сектантов, и преимущественно молокан, права приобретать покупкою или брать в арендное содержание земли и лесные дачи, также владеть мельницами и так называемыми рушалками или крупяными машинами, заводами и постоянными дворами". "б. Тех из сектантов, которые живут в уездах и в селениях по одному или по два семейства единственно на соблазн других, перевести в другие уезды и селения, где их находится в большем количестве и где удобнее будет надзирать за ними". "в. Всем управляющим имениями подтвердить строжайше, чтобы они управляемым ими крестьянам в один из постов давали неделю свободы, дабы последние могли приготовиться к исповеди (и) святому причастию, а в воскресные и праздничные дни отпускали и даже побуждали их ходить в церковь к богослужению". Этим записка высоко-

преосвященного Арсения оканчивается. Последний, заключительный пункт этого интереснейшего исторического документа, появившегося в февральской книге "Трудов Киевской Духовной Академии" за 1875 год, напечатан как бы при полном забвении освободительного манифеста, уничтожившего крепостную зависимость, после чего, крестьяне ни от каких управляющих имениями не зависят и те не могут ни удерживать их от церкви, ни посылать в нее. Тому же забвению совершившихся фактов должны быть приписаны и заботы о недозволении рекрутского найма, которого теперь более не существует, а потому об этих двух пунктах записки говорить нечего, и мы обратимся к другим пунктам, в коих предлагаются меры иного свойства. Главнейшее из мероприятий, предлагаемых митрополитом киевским, есть, конечно, выселение сектантов из среды православных и переселение их в особую местность, с лишением права выезда и свободы деловых и общественных соотношений с несектантами. "Мера сия, по словам всемилостивейшего киевского архипастыря (стр. 164), хороша тем, что,

не представляя собою ничего жестокого и притеснительного, ведет прямо к цели"... Я опасаясь, что рассуждение о нежестокости и непритеснительности этой меры многим покажется просто иронией, и я не стану доказывать, что жесточе и притеснительнее этой меры ничего нельзя выдумать, ибо выселить людей из одного места, перевести их в другое, поселить их там против воли и вдобавок еще связать ограничениями в праве промысловых сношений, - это в существе значит не что иное, как в корень их разорить и покрыть их позорнейшим бесславием перед всем христианским миром. Но я не буду развивать этой мысли, которая сама по себе ясна с первого взгляда; а я укажу лишь на практическую сторону пересыльных операций, рекомендуемых киевским владыкою. Во 1-х, где мы можем приготовить ссыльное место для сектантов? Место это должно быть очень пространно, потому что у нас сектантов много, а при усилении гонения на них число их, конечно, еще более увеличится, ибо народ наш и на сей раз не изменит своего убеждения, что "не та истинная вера, которая мучит, а та, которую му-

чат". "Не даде бо нам Бог духа страха" (2 Тимоф., 1, 7): они станут "в терпении стяжать души" и удивят всех и своим характером и своим числом: место для них потребуется очень большое... Где же оно? В середине государства такого места не выберешь: здесь и так все уже заселено, да и притом тут неудобно надзирать за общением сектантов с несектантами. Иначе пришлось бы закрыть проезжие дороги и оцепить границу ссыльного места кордоном. Надо поискать просторное место для сектантов по окраинам. Предположим, что для них, например, отведут Архангельскую губернию; но тогда надо же прежде подумать: куда убрать отсюда всех православных, живущих ныне в Архангельской губернии? Всеконечно необходимо начать с того, чтобы выселить отсюда всех православных, дабы они не смешались с сектантами, которых погонят на их место, иначе опять произойдет смешение и на новых местах явится то же самое, что было на старых. Стало быть, не может быть спора, что прежде самих здешних православных надо куда-нибудь переселить... Куда?.. Опять требуются новые место-

назначения... А если эти православные возропщут и скажут: "Не трогайте нас; мы здешние и здесь хотим жить и умереть... За что вы нас тревожите?" Право, не знаю, что им тогда ответят, за что их сгоняют с насиженного места на другое, отдаленное и неизвестное? Не выйдет ли тогда, что эти люди "страдают за православную веру?" Теперь обратимся к так называемой политике, которой высокопреосвященный Арсений дает очень веское значение в оценке достоинств сектантского учения. Допустим, что у сектантов действительно есть свои смелые политические убеждения, простирающиеся до того, что они даже сомневаются (стр. 153), "неужели и Закревский был поставлен от Бога". Если это так и сектанты эти отказываются верить, что "и Закревский был поставлен от Бога", то при каких обстоятельствах это может обнаружиться более резкими проявлениями: тогда ли, когда все люди подобных убеждений рассеяны по лицу всей земли вперемежку с людьми, имеющими другой взгляд на назначение Закревского, или тогда, когда указываемых митрополитом вольнодумцев соберут от всех кон-

цов в одно место и они представят плотное население в несколько миллионов (положим, хоть в три) и при единстве своих взглядов скрепят свой союз еще единением в ненависти к истязующему их правительству? Два ответа на этот вопрос невозможны; старая политическая доктрина основательно учит, что люди, рассеянные им и не имеющие центра действий, всегда гораздо безопаснее для власти, чем те же люди, собранные вместе... Но идем далее: предположим, что правительство, во уважение церковного авторитета митрополита Арсения, по его слову двинуло бы переселение народов России с места на место. Представляю каждому вообразить себе эту ужасную картину повсеместного плача, сортировки людей и высылки их, по указанию духовных лиц, а также эти перекочевки целыми группами, с детьми, скотом и всяким скарбом... Поистине это было бы нечто вроде великого переселения народов под конвоем, ибо иначе народы эти, собранные в большую группу, пожалуй, и не дойдут по маршруту... Но допустим, что и эта "нежестокая и неприкосновенная мера" (164) благодаря великой

скромности русского народонаселения совершилась благополучно: что же тогда? Живые люди не могут оставаться в неподвижности сердца и мысли, и среди переселенных сектантов может начаться движение в сторону церкви. (Имея в виду довольно частые в наше время обращения в православие сектантов и даже иноверцев, такие случаи нельзя считать невозможными.) И что же тогда, как быть с покаявшимися и обратившимися? Очевидно, их нельзя будет оставлять среди коснеющих в своем заблуждении, и надо их снова как можно скорее куда-нибудь выселить... Куда же? опять на старые места; но там уже дом их пуст, или на селе их сеет другой. И где же будет граница этим расселениям и когда придет им конец?.. Что за страшную и неблагодарную работу должно будет принять на себя с этою мерою правительство, перед которым все государство явится не в нынешнем положении мирной страны, а в плачевном состоянии какого-то пересыльного церковного этапа. Но митрополит киевский и сам сознает, что рекомендуемое им переселение народа нелегко, и на случай, "если предположение

сие по каким-либо причинам не получит одобрения" (164), он предполагает другую меру (165): "временное, но бессрочное удаление в монастырь ересеначальников". Бессрочное заключение людей в монастыри то же самое, что вечное заточение: это одно из тягчайших наказаний, каким заменяется только смертная казнь. Предоставляю каждому судить, насколько это сообразно мере вины и сродно евангельскому учению? Этою мерою ставится такая дилемма: "или измени своим убеждениям, или ты никогда не выйдешь из монастыря, где все противно твоему духу и твоим мыслям!" Дилемма страшная и гораздо более сродная римскому древнеимператорскому духу, чем духу любви евангельской. Но посмотрим, как это может отозваться на самих монастырях? Нельзя скрывать, что монастыри наши и в настоящее время несут на себе много нареканий и не пользуются большим уважением; но если так относятся к монастырям-обителям, то как станут относиться к монастырям-тюрьмам, какими они рискуют явиться по мысли высокопреосвященного Арсения? Предполагаемая киевским митрополи-

том мера обращения монастырей в довечные тюрьмы согласна ли с идеею учредителей нашего монастырского общежительства? Я утверждаю и, если об этом может быть спор, берусь ответственно доказать, что она несогласна. В монастырь сходятся люди единомышленные для того, чтобы воспитать свой дух в одних правилах; какое же место между ними еретику, человеку противумысленному и, стало быть, для всей братии чуждому по вере? Что сказать, если тот или другой твердого характера настоятель монастыря (каковые, к чести нашего иночества, еще водятся) не примет еретика, дабы охранить братию от соблазна, или если сама братия потребует, чтобы противумысленный ей еретик вышел из ограды монастырской? А такие примеры возможны, и даже очень недавно были: многочтимый старец Иона, строитель Троицкого монастыря в Киеве, не хотел взять присланного к нему штундиста и, подчинясь этому только в силу особых давлений, все-таки не успокоился до тех пор, пока освободился от этого гостя, а второго экземпляра вовсе не принял и, конечно, был прав, ибо берег бра-

тию от "духа лестча". Я опасаясь, что предполагаемое запискою митрополита Арсения обращение монастырей в до вечные тюрьмы для сектантов нанесет последний и решительный удар этим учреждениям; оно может отвратить от них всех людей, исполненных христианского духа. Но мне могут заметить: как же духовенству держать себя по отношению к сектантам? Я считаю и себя и всякого христианина свободным от обязанности отвечать на этот вопрос, на который есть положительный и ясный ответ в Новом Завете; вот этот ответ: (Матфея, гл. 18): "Если же согрешит против тебя брат твой, поди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи Церкви, а если и Церкви не послушает, то да будет тебе, как язычник и мытарь". В Толковом Евангелии и в Беседах Иоанна Златоуста смысл этого изречения истолкован так: "Не считай более упорного своим братом и прекрати с ним христиан-

ски-братское общение, чтобы не заразиться его болезнью". Мы наших отпадших братьев обличали, мы возвестили о них церкви и они ни нас, ни всей церкви не послушались, - значит, они нам теперь по вере люди чужие, а апостол Павел не велит нам судить веры чужих нашей вере людей (Посл. к римлянам, гл. 14, ст. 4): "Кто ты судья чуждому рабу! Перед своим Господом стоит он или падает; силен Бог восставит его". Принимая это с верою, "мыслим убо верою оправдаться" (Рим., 3, 28). Отпадения от церкви совершаются не в одном нашем слое русского общества: они так же идут вверху, как и внизу: всем ведомо (кроме тех, которые ничего не хотят ведать), что в Петербурге, где ежегодно собираются все наши митрополиты, одновременно с ними прибывают из чужих краев особливые вероучителя, "имуций образ благочестия, силы же его отвергнушиеся, поныряющие в дома и пленяющие женищ, всегда учащася и николиже в разум истины приити могущие" (2 Тимоф., 3, 5-7). Что же сделано всем сонмом наших иерархов против сих "поныряющих в дома и пленяющих женищ"? Ни-че-го! А тут,

кажется, много бы можно сделать и сделать в самом христианском духе: "учаще человецы растленны умом и неискусны о вере".

КОММЕНТАРИИ

Опубликовано в газете "Гражданин" No 15-16 в апреле 1875 г. с редакционным примечанием, что записка киевского митрополита Арсения нуждается в "критической оценке", а поскольку за Н. Лесковым, автором "Соборян", "нельзя не признать большого знакомства с бытом нашего духовенства", то "редакция с удовольствием даст место его замечаниям, не стесняясь тем, что она не со всеми из них вполне согласна". Статья Лескова - блистательный пример чисто гражданской публицистики, иронически выдержанной в жанре богословского прения: защита свободы вероисповедания, яростный протест против своеволия и нетерпимости властей, скорбь о насильственно переселяемых русских людях - под прикрытием казуистики, стилизованной в духе того бюрократического. церковного циркуляра, проект которого оспаривает и осмеивает Лесков. Обычно его ратоборство с церковью представляют по широко извест-

ной книге "Мелочи архиерейской жизни", где духовенство увидено и низведено со стороны быта. Полемика Лескова с киевским иерархом - пример прямой борьбы с учением и духовно-практической деятельностью церкви, каковых баталий Лесков был большой мастер.

Стр. 157. Арсений (в миру Москвин Федор Павлович, 1795-1876) - богослов, церковный деятель и педагог, митрополит киевский и галицкий с 1860 г. Стр. 164. Закревский Арсений Андреевич (1783-1865) - военный деятель и администратор, участник войны 1812 г., дослужился до поста финляндского губернатора, затем стал министром внутренних дел. В 1831 г. уволен от службы, в 1848-м вновь призван и назначен московским генерал-губернатором. Вошел в легенды как человек малообразованный, решительный до самодурства и предельно консервативный, за что и уволен окончательно в 1859 г., с наступлением либеральной эпохи.

Л. Аннинский

Необходимо отметить, что статья эта написана была Н.С.Лесковым за несколько лет

до знакомства с Л.Н.Толстым - то есть без влияния его идей. А также отметить, что мысли митрополита Антония нашли себе практическое воплощение, особенно с приходом на место обер-прокурора Синода К.Победоносцева: происходили и отнятия с помощью полиции детей у молокан для воспитания их в православном духе, и заточения "ересеначальников" в монастыри (См. А.С.Пругавин "Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством", М., "Посредник", 1906 г.), и гонения на духоборов, особенно усиливающиеся по мере все более явного проявления ими антимилитаризма - что привело их к эмиграции в Канаду, где уже канадское правительство отбирало у них детей для воспитания "в надлежащем духе". Дух этой записки периодически проявляется и в настоящее время.